

Авторская модальность как конструктивный признак газетного текста: на материале испанской прессы.

И.Г. Ульянова
(Россия)

En el artículo se trata de la realización de la categoría lingüística de modalidad en el lenguaje periodístico. Este fenómeno es muy importante para formar la estructura del texto periodístico, pues lo que une todos los elementos del texto es la actitud del periodista hacia eventos descritos. Dos artículos publicados en la rúbrica *Opinión* sirven de ejemplo para ilustrar esta idea.

Как ни важно изучение речевой организации текста (выявление основных единиц текста, способов изложения), это изучение не может оказаться полным и адекватным, если оставить без внимания такое важное для текстообразования и текстовосприятия понятие, как авторская модальность, скрепляющая все единицы текста в единое смысловое и структурное целое. Это авторская оценка изображаемого. Способы выражения этого отношения могут быть различными, избирательными для каждого автора и с учётом разновидности текста, они мотивированы и целенаправленны. Над выбором этих способов всегда, таким образом, стоит какая-то неречевая задача, реализация которой и создает свою модальность текста. Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как целостное произведение. Такое восприятие основывается не на рассмотрении качеств отдельных речевых единиц, а на установлении их функций в составе целого. В таком случае личностное отношение автора воспринимается как воплощение сути произведения. Для наглядности целесообразно предложить образец информационного жанра, которому, казалось бы, менее всего свойственно выраженное авторское отношение к сообщаемому.

В переводе с испанского:

«Мавританские рыбаки в последние часы извлекли из моря 84 южноафриканцев, которые направлялись на лодке на Канары. Судно потерпело крушение в конце недели... напротив мавританских берегов. На борту было около 150 иммигрантов, которые отплыли с юга Сенегала в направлении Канарских островов. Имея сведения о несчастном случае, власти Мавритании предприняли поиск исчезнувших. В воскресенье море выбросило на берег на севере столицы Нуакчот трупы 15 иммигрантов. До вчерашнего дня найдено в общем 84 трупа. Согласно свидетельству 18-ти выживших в злополучной лодке было 150 человек – из чего становится ясно, что число погибших увеличится в ближайшие часы. Есть предположение, что эмигранты умерли от голода и жажды после аварии лодки».

Данный текст, будучи предельно открытым и однозначным, фактуально достоверным, исключает вариантность восприятия. Драматическая хроника дана в стиле, напоминающем «телеграфный» – по эффекту удалённости автора от предмета сообщения. В результате явной деперсонализации субъекта высказывания внимание оказывается сосредоточенным на объекте речи.

В плане психологического экскурса можно заметить, что подобного рода информация – по горячим следам событий, подаваемых в их обнаженных реалиях – вызывает не столько ментальную, сколько сенситивную реакцию. Можно обобщенно выделить некоторые структурно-языковые элементы данного текста. Во-первых, документально-констатирующий стиль, однолинейный, событийный план повествования, доминирование гносеологической модальности над аксиологической. Во-вторых, совершенно нейтральная лексика и однотидный синтаксис, обезличенный сценарий и на нём – тягостно воздействующая сила реального факта, «самодостаточного», исключающего необходимость комментария. Приведённый текст взят как типичный пример модализации за счёт самого объекта.

Так как газетный мир тематически и функционально многообразен и неоднороден, то в каждом случае модальность, характеризующая «действительное состояние вещей», проявляется в соответствии с жанром и авторской индивидуальностью. Стоит заметить, что в чистом виде, то есть в пределах факта она встречается в сугубо официальном материале или в информации на уровне «сводки новостей» – как в ранее рассмотренном примере на тему миграции.

В качестве идеальной модели газетного синтеза может быть предложена статья известного латиноамериканского писателя и журналиста Марио Варгаса Льосы, опубликованная в испанской газете под названием «La sombra del terror» («Тень террора») (*EL PAIS*, 3 de octubre de 2005). Исторически глобальная тема терроризма введена автором в рамки одной человеческой судьбы, воспроизведённой с потрясающей силой достоверности и глубокой сопричастностью к трагедии женщины, на глазах которой от бомбы террористов погибли её мать и дочь. В магистральную линию повествования введены предельно сжатые, иногда однофразовые авторские ремарки, комментирующие самые драматические моменты, но при этом никак не влияющие на логику обнажённых фактов. Синтез жанров – слияние признаков репортажа, интервью, документальной хроники – всё это создаёт фон сценария, составленного из реальных фрагментов, объединённых в одном событийном потоке. При этом отчётливо обозначена дистанция между объектом и субъектом речи, свидетельствующая об этическом такте писателя, устранившего «оценочный взгляд» перед трагичностью самих фактов. Потому в их изложении нет словесной экспрессии, нет ничего лишнего, но есть пронизывающая весь текст модальность. Есть только одна лексема «*sobrecogido*» (быть потрясённым), передающая непосредственную реакцию автора на услышанное. Когда он касается состояния той, которая пережила ужасное потрясение, то в своей авторской характеристике ограничивается столь же скупой, но беспредельно исчерпывающей метафорой «*helado, glacial*»: ледяной, леденящее. В первом случае речь идёт о внешнем облике женщины.

«*En su semblante tan pálido hay algo helado*» (В её бледном лице есть что-то ледяное) и во втором – о её голосе: «*...dice con una serenidad glacial*» (...говорит с леденящим спокойствием).

Как можно заметить синонимичная семантика лексем усиливает эффект заледеневшего состояния души.

На общем фоне драматического сценария «образ автора» воспринимается в трёх функциях. Рельефнее всего обозначена функция, реализуемая им в качестве репортёра, воспроизводящего хронику событий в жанре очерка, – оставаясь при этом «за камерой», обращённой на объект повествования. Но по мере того, как в ракурсе освещения проникает взгляд В. Льосы – писателя, проявляется его вторая функция – мастера большой прозы. В. Льоса трансформирует драму событий в драму состояний, драму человеческой души и сознания. И делает это, сохраняя прежнюю дистанцию – но на этот раз не по причине правды фактов, а по впечатляющей силе откровения того, кто пережил их. В этом случае модальность оформлена семантикой лексем, но более – движением эллиптически сжатых фраз, воспроизводящих разрозненные фрагменты пережитого:

«...*algo se murió también dentro de mí*» (...что-то умерло также внутри меня); «*quise desaparecer, evaporarme*» (хотела исчезнуть, испариться); «...*siempre me pregunto: ¿dónde está, dónde estuvo Dios ese día?*» (всегда спрашиваю: где есть, где был Бог в тот день?)

Далее следует затронуть сферу третьей функции «образа автора», реализуемой в другой модальности. Отложив перо репортёра и романиста, В. Льоса завершает очерк – интервью как публицист, обобщающий изложенный материал логичным заключением – преследующая память и стирающая образ прежнего религиозного чувства:

«...*y ahora no puedo prenderle velas*» (...и сегодня не могу зажигать Ему свечей).

Следует обратить внимание на деталь, своего рода ремарку, стилистически тонко передающую авторское побуждение – «поведать миру». Она синхронизирована единой мыслью, выраженной нравственным императивом:

- *Ud. Debe saber* (Вы должны знать)
- *Pero, en verdad, lo que quiere decir es "El mundo, el universo deben saber"* (Но, по-правде, это значит, что «Мир, универс должны знать»).

Но не все газетные публикации выражают открытый однонаправленный взгляд на природу вещей по причине их неоднозначности, противоречивости, или незавершённости.

Рассмотрим пример авторской модальности на статье, обращённой к самому широкому кругу читателей с такой же глобальной тематикой, как и ранее взятая, – детская преступность, – но воплощённой в другом газетном жанре, сугубо публицистическом (эссе).

Это статья Луиса Рохаса Маркоса с названием, выраженным достаточно эксплицитной метафорой – «*Las semillas del crimen*» («Семена преступления») (*EL PAÍS*, 15 de septiembre de 1994). Прежде всего, внимание обращено на название, отражающее семантику текста: если в очерке «Тень террора» она проявлена в последствиях преступного акта («*sombra*»), то в эссе Л.Маркоса она сфокусирована на причинности, истоках («*semillas*»). Соответственно и подача материала, и его интерпретация различны. В первом случае функция автора реализована в гносеологическом ракурсе – и как было сказано ранее – предмет

представлен в исчерпывающей полноте самих фактов. В статье Л. Маркоса ракурсом освещения является аксиологический аспект, который охватывает различные меняющиеся во времени точки зрения на анализируемое явление, в частности, его истоки.

Прочитав внимательно предложенный текст, читатели смогут выделить в нём выраженную модальность. Основная часть содержания есть изложение некоторых наиболее известных суждений, взглядов на причину детской преступности – при этом преломляемых сквозь авторское толкование и его личное мнение. Это та часть, в которой модальность выступает как нечто вероятное, допустимое, но остающееся проблематическим. Потому суждения представлены как утверждение определённой точки зрения:

«Durante mucho tiempo se pensó que los seres humanos estábamos dominados por un gen maléfico de destrucción que nos llevaba irremediabilmente hacia nuestro aniquilamiento. Hoy sabemos que la agresión maligna no es un instinto.» (В течение долгого времени считалось, что мы, люди управляемы злосчастным геном разрушения, ведущим неминуемо к нашему уничтожению. Сегодня мы знаем, что злобная агрессия не есть инстинкт).

Далее приводится другое мнение, уже не биологического характера, но психологически возрастного:

«Las semillas del talante violento y antisocial se siembran y se cultivan durante los primeros años de la vida, se desarrollan en la infancia y suelen comenzar a dar sus frutos dañinos a principios de la adolescencia.» (Семена насильственной и антисоциальной склонности сеются и культивируются в течение первых лет жизни, развиваются в детстве и начинают приносить плоды обыкновенно к юности).

Затем следует предположительное суждение о патологических причинах индивидуального характера:

«... ciertos daños cerebrales, algunos trastornos mentales...» (...определённые повреждения мозга, умственные сдвиги...)

Спектр причин предельно расширен, но при этом создаётся впечатление, что введены они не столько с целью информировать о них, сколько для того, чтобы засвидетельствовать несостоятельность попыток найти в них подлинную причину – «семена» преступности. Потому признав их исчерпанными, Л. Маркос обоснованно задаёт вопрос: *«¿Qué podemos hacer?»* (Что будем делать?) и предлагает свою точку зрения.

«По-моему мнению, – заявляет Л.Маркос, это кровавое кружение преступности среди молодых людей – не есть случайное, ни есть неконтролируемое или неустраняемое. Можно остановить, многие из факторов... в наших руках» (*«En mi opinión, esta marea sangrienta de delincuencia juvenil ni es casual ni es incontrolable o inevitable. Se puede contener. Muchos de los factores que contribuyen a su existencia están en nuestras manos»*).

Далее следует коснуться авторской позиции в решении столь дискутируемой проблемы. Л.Маркос акцентирует, точнее, абсолютизирует идею нравственного сознания:

«Quizá nuestro objetivo más inmediato sea lograr la convicción social, profunda y buen informada de que las mas costosas y fatidicas semillas del crimen son la mutilación del espíritu de un niño y la deformación de su carácter por medio de la violencia. Porque semejantes daños socavan en el pequeño los principios vitales del respeto por la dignidad humana, de la compasión hacia el sufrimiento y del valor de la vida, sin los cuales su comportamiento futuro está destinado a la psicopatía y a la destrucción.» (Пожалуй, наша самая прямая задача – достичь социального убеждения, глубокого, хорошо информированного, что самые дорогостоящие и зловердные семена преступления – это извращение души ребёнка и деформация его характера в среде преступности. Ибо подобного рода порча поражает его жизненные основы уважения к человеческому достоинству, сострадания и ценности жизни, без чего в своём будущем поведении он будет обречён на психопатию и разрушение).

Критерием как социального, так и индивидуального нравственного императива выступает требование осознания человеком своих действий, приводящее к разумному поведению (Ульянова, 2010, с.210).

Таким образом, оценочное начало может присутствовать в разных модификациях общего побудительного значения сообразно речевой ситуации фрагмента или текста в целом.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. EL PAIS 15 de septiembre de 1994
2. EL PAIS 3 de octubre de 2005
3. УЛЬЯНОВА, И.Г. 2010. *К проблеме когнитивного метода работы с газетным текстом: на материале испанских СМИ*. Пятигорск.